

Тот, кто может все

Автор:

[Сергей Самаров](#)

Тот, кто может все

Сергей Васильевич Самаров

Спецназ ГРУ

Ударные военные романы, написанные ветераном спецназа ГРУ. Реальные герои в реальных условиях для настоящих читателей. Суммарный тираж книг автора – более 4 миллионов экземпляров.

Вышедший в отставку подполковник ГРУ Виктор Кукушкин приноравливается к мирной жизни. Но в душе он по-прежнему офицер элитного подразделения, и выкованный за годы службы боевой характер не позволяет ему смириться с царящей вокруг несправедливостью. Виктор хочет посвятить себя достойному делу и обращается к своему куратору с просьбой найти ему работу по специальности. Но что можно предложить бывшему спецназовцу, который в совершенстве владеет всеми видами стрелкового оружия и приемами рукопашного боя? Да, вывод один: его предназначение – наемный убийца.

Сергей Васильевич Самаров

Тот, кто может все

© Самаров С.В., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Когда Виктор Вячеславович начал жаловаться куратору на жизнь и просить хоть куда-нибудь устроить его работать, тот спросил у него:

– А что ты умеешь делать лучше всего?

Он на какое-то время задумался, потом ответил коротко, но категорично:

– Убивать!

– Ну, знаешь, такой работы у меня для тебя нет, – ответил старик и шмыгнул носом, с которого норовила скатиться капля. Насморк у старика был, похоже, хроническим, и одна капля традиционно висела на кончике носа, как звезда на погоне. – Это вообще не мой профиль. Где-то на зонах наверняка существуют должности палачей, хотя официально смертная казнь у нас в стране заморожена. А палачей используют, когда требуется кого-то уничтожить, кто к пожизненному приговорен. В муках дать умереть... Тогда палачи и работают. Но я к ним никакого отношения не имею. Деньгами я немного могу тебе помочь. Материальную помощь выдать. Но в очень ограниченных размерах. Пиши пока расписку на двадцать тысяч. Сейчас принесу... – Старик придвинул к нему тетрадку и ручку, а сам ушел в другую комнату и долго гремел там ключами и металлическими дверями, якобы забираясь в сейф.

Но, достаточно хорошо зная и самого старика, и этот тип людей вообще, Виктор Вячеславович понимал, что старик деньги в сейфе не держит, а ключами на связке и металлической дверцей сейфа гремит намеренно, сбивая с толку своего визитера. А сами деньги прячет где-то среди белья в шкафу, или под матрасом, или вообще в старой драной фуфайке, что лежит под вешалкой.

Предложенные двадцать тысяч никаких проблем решить не могли, но хотя бы позволяли оттянуть их решение. По крайней мере, теперь хватало на бензин, чтобы ездить за продуктами или за чем-то другим необходимым в ближайший город. Да и сейчас было на что вернуться к себе в деревню...

Пролог

Тамара, сидя за валким, неуверенным в себе столом и положив локти на потертую клеенку, пересчитывала мелочь, собранную из разных карманов своей и моей одежды. Давалось ей это нелегко, потому что рука была стянута тугим бинтом и при шевелении пальцами ей приходилось невольно морщиться. Я смотрел на эту перевязанную руку и думал о том, что в пятьдесят семь лет кости уже становятся хрупкими и легко ломаются. Но я, человек, в делах различной тяжести переломов хорошо разбирающийся, после прощупывания костей на руке категорично заявил жене, что у нее только ушиб и не стоит даже тратить бензин и ехать в поликлинику ближайшего райцентра. Туда далеко, а другая, хотя находилась вообще не в нашей области, тем не менее была ближе, но медицинские услуги для посторонних там платные. Сам я привык на такие мелочи, как ушибы различной тяжести, внимания не обращать. Но Тамара – женщина, у нее руки иначе устроены, чем у мужчины. Они по большому счету вообще к ушибам не приспособлены.

– Болит ведь... – пожаловалась Тамара, когда я стянул ей кисть тугой бинтовой повязкой.

– А ты что думаешь, в больнице тебе кроме повязки еще что-то сделают? – спросил я. – Точно такая же повязка, и все... И домой отправят с шуткой, попросят больше мужа не бить.

Тамара принимать шутки в свой адрес умела без обиды и, посмотрев на меня, улыбнулась. Хотела, как я догадался, сказать, что врачи только глянут на меня и сразу поймут, что с таким шутки плохи. И догадаются, что руку она не о мужа ушибла.

В реальности все было так...

Возвращаясь в свою деревню, я заехал на заправку, потому что бензина оставалось уже совсем впритык – только до дома доехать. Вообще-то это называется ехать на «красном фонаре», хотя сигнал о проблеме с бензином у меня еще не загорелся. Тамара подсчитала деньги, строго на десять литров хватило. Она пошла платить в кассу, а я засунул заправочный пистолет в соответствующее гнездо своего старенького автомобиля и стал ждать. Честно говоря, я сразу обратил внимание на шикарную машину, подъехавшую к той же

колонке с другой стороны. На такую машину, как ярко-красный «Шевроле Камаро», трудно не обратить внимание. Но у разных машин заправочные люки расположены с разных сторон. У моей, например, машины он расположен справа. А у кого люк расположен слева, должен заправляться с противоположной стороны. Потому заправочные колонки так и ставятся. Но в этом случае автомобиль должен был бы заехать на место заправки с той же стороны, с какой заезжал я. А он заехал с противоположной. Это иногда случается, если водитель или сильно спешит, или чересчур наглый. А таких сейчас на дорогах множество. И потому я не сильно отреагировал на появление неподалеку «Камаро». Отреагировал я только тогда, когда увидел, как из шикарной иномарки вышли два высоких и крепких представителя кавказских народов, затрудняюсь даже сказать, какого из этих народов, потому что для меня они все на одно лицо. Водитель остался стоять у своей дверцы, а второй шагнул к моей машине, долго не разговаривая, вернее, вообще не разговаривая, вытащил заправочный пистолет из моей машины и потянул за собой шланг, желая заправить свою. Если бы все дело сводилось к торопливости, я мог бы и подождать, когда они свой «Камаро» заправят. Но беда заключалась в том, что к машине уже возвращалась Тамара. Значит, она заплатила в кассу за бензин. И больше денег у нас с собой не было. Как не было и гарантии, что два гостя с Кавказа пожелают с нами расплатиться.

– Эй, парень! В чем дело! – шагнул я к тому, что тащил за собой шланг вместе с заправочным пистолетом, и наступил на шланг ногой.

– Сиди, дед!.. Сегодня пятница, а по пятницам я стариков не бью... Пшел в свою колымагу и не высовывайся!..

Он был не просто на полголовы выше меня, но еще и килограммов на тридцать тяжелее. И лет на сорок моложе... Под спортивного покрова рубашкой вырисовывалась целая гора мышц. Парень явно чувствовал себя хозяином жизни вообще и данного положения в частности. Считал, похоже, что человек с седой бородкой и такой же седой головой не в состоянии дать ему отпор. Наивный... Он не знал, что связывается с отставным подполковником спецназа ГРУ.

Парень с силой дернул шланг, желая вытащить его из-под моей ноги. Если бы я зазевался, то мог бы и упасть от такого рывка. Но я не зазевался, вовремя ногу поднял, и от собственного рывка, не получив сопротивления, упал парень. Но вскочил он быстро и разразился отборным матом. Я уже шагнул вперед, но тут за спиной парня оказалась Тамара. Я сам учил ее наносить удар раскрытой

ладонью в ухо. Одной ладонью, собранной лодочкой, в одно ухо. От такого удара, от звона, идущего по всей голове, любой не сразу придет в себя. А она, согласно моему совету, должна была бы в этот момент убежать. Этот удар она под моим руководством отрабатывала на боксерском мешке, что висит у нас рядом с домом на турнике, упорно отбивая ладонь до красноты и боли. А когда боль становилась сильной, она меняла руку и била по мешку второй.

Не знаю, кто научил Тамару удару одновременно с двух рук. Вроде бы представителей уголовного мира в числе близких родственников у нас нет. А этот удар среди уголовников называется «варкухой». Именно так она и ударила, одновременно двумя собранными ладонями по ушам. И тут же у здорового парня брызнула кровь из носа – от этого удара в голове моментально подлетает давление. Он не ожидал атаки сзади, и это только усилило эффект удара. Парень резко обернулся, и Тамара, вместо того чтобы убежать и спрятаться за мужа, с размаху, с правильным доворотом тела и с достаточной резкостью нанесла резкий удар кулаком в самый кончик небритой челюсти. Парень рухнул рядом с заправочной колонкой. А из-за машины уже бежал второй. И я увидел, как в его руке что-то блеснуло. Скорее всего, он успел достать из кармана или из машины, дверца которой хлопнула, нож. Но, пока доставал, время потерял. И теперь было поздно.

– Заправь машину... – спокойно сказал я Тамаре, а сам шагнул к новому действующему лицу происшествия.

Она подняла заправочный пистолет и спокойно стала заправлять нашу машину. За меня она, отлично зная мои боевые навыки и способности, кажется, совсем не беспокоилась.

А я тем временем встретился с новым противником позади багажника «Камаро». Парень выставил нож перед собой, угрожая мне. И сделал два со свистом режущих воздух движения.

– Брось железяку! А не то... – серьезно произнес я.

– А то что? – наивно спросил он. Второй оказался еще глупее первого. У первого хотя бы ножа в руке не было. А этот полез, не только не понимая, куда суется, а даже не имея понятия, как с ножом следует работать.

– А то железяку отниму и ею же тебе, дураку, глотку перережу...

Парень мое предупреждение принял за попытку угрозы, а угрожают обычно те, кто слабее. Но я говорил серьезно. И пока парень хихикал над моими словами, я сделал обманный шаг, заставил его отмахнуться рукой с ножом, сам тут же переместился сначала вбок, захватил его за рукав, а потом, оказавшись у парня за спиной, готов был уже сломать ему вооруженную руку с одновременным разрывом связок в локтевом суставе. Но тут послышался шум двигателя, взвизгнули тормоза, и рядом с нами остановилась машина полиции, из которой выскочили два мента с поднятыми автоматами.

– Бросай нож! Стрелять буду! – крикнул старший по званию, кажется, старший лейтенант.

Мой противник уронил нож на асфальт, недобро усмехнулся и презрительно посмотрел на меня.

– Живи уж, дед, если такой везунчик... – сказал он с сильным кавказским акцентом. До этого говорил по-русски более чисто. Скорее всего, акцент вылез вместе с волнением, что для человека, не имеющего боевой практики, естественно.

Парень, похоже, так и не понял, что и без появления ментов он уже находился в проигрышной позиции и его фразу про везучесть должен был бы сказать я.

– Что тут произошло? – спросил старший лейтенант.

Тамара закончила заправлять машину и, подойдя к лейтенанту, стала коротко, почти по-военному, без эмоций и ненужных домыслов, объяснять происшествие. Я посмотрел на полицейскую машину, на которой красовалась надпись – «Вневедомственная охрана». А я-то подумал, что менты в кои-то веки оперативно сработали. Решил, что кто-то из сотрудников заправки нажал «тревожную кнопку» и полиция послала на объект ближайшую машину, как вообще-то и полагается. А машина вневедомственной охраны, скорее всего, приехала просто заправиться. Да и была ли «тревожная кнопка» на заправочной станции – вопрос оставался открытым.

– Старлей, будь другом, вызови побыстрее наряд из райотдела, – начал я командовать. – Я – подполковник в отставке.

Уточнять, что я подполковник спецназа военной разведки, а вовсе не полиции, я не стал. Не все сказать это не значит обмануть, как мне кажется...

В это время Тамара, завершая свой рассказ, потрясла кистью и скривилась от боли. Я подошел ближе и стал прощупывать кисть.

– Угомонись! Перелома нет. Только сильный ушиб. И связки, должно быть, потянула. Сколько раз тебе говорил, кулак необходимо доворачивать, а то ведь можно и всю кисть себе изуродовать.

– Что? – воскликнул вдруг мой второй противник. – Эта тетка вырубил мастера спорта по вольной борьбе в полутяжелом весе? Никогда не поверю... Да он ее одним мизинцем пополам ломает...

– А ты сам не видел? – спросил я.

Парень косо глянул на ментов, потом объяснил:

– Я нож, наверное, в это время из машины доставал.

– Если не веришь, она сейчас может и тебя вырубить... В свои пятьдесят семь лет она двоих таких уродов ломает.

Водитель ментовской машины и старший лейтенант тем временем подняли на ноги жертву маленького кулака Тамары. Парень, громко матерясь, сморкался, забрызгивая асфальт и заправочную колонку кровью, и грозил мне и Тамаре всеми бедами, которые мог придумать его потрясенный ударом маленькой женщины ум. А много он придумать после удара, кажется, не мог. И вообще он не сильно походил на умного человека. По крайней мере, впечатления такого не производил. Сильным был – это да, но проблесков ума в его глазах не проскальзывало.

– Я вызвал наряд из райотдела, товарищ подполковник, – повернулся ко мне старлей. – Сейчас подъедут...

Перед тем как ехать из райотдела домой, я вытащил из-под переднего сиденья своей «Волги» автомобильную аптечку, особенно богатую бинтами, в ущерб чему-то порой необходимому, и наложил Тамаре на кисть тугую повязку. Признаться, я испытывал за жену даже своего рода гордость. То, что она не испугалась, это было для меня естественным явлением. Она не пугалась и не терялась и в более сложных ситуациях, когда со всех сторон автоматные очереди звучали, а вокруг головы пули нимб рисовали. Не зря же она носила до отставки звание капитана спецназа ГРУ. И позывной у нее был красивый – Анаконда. Тамара очень хотела быть похожей на настоящую анаконду, по крайней мере, стремилась быть такой же опасной для врагов. А врагов тогда нас окружало немало.

Познакомились мы, когда она еще в лейтенантах ходила и служила в разведотделе бригады, а я в звании капитана командовал разведротой. То есть мы были смежниками. Это было в Первую чеченскую, когда из всех войск разве что спецназ ГРУ и десантура и сохраняли воинский дух русской армии. Форму мы, впрочем, носили с десантурой одинаковую, только нарукавные эмблемы у нас и различались. И с парашютом мы прыгали не намного меньше. У меня, к примеру, за все годы службы набралось тысяча триста тринадцать прыжков, причем четверть из них – «с принудительным раскрытием основного парашюта без использования вытяжного парашюта»[1 - Прыжки «с принудительным раскрытием основного парашюта без использования вытяжного парашюта» – то есть прыжки с предельно малых высот без запасного парашюта с принудительным раскрытием основного с помощью вытяжного тросика, зацепленного за главный трос в самолете с помощью карабина. При таком прыжке очень важно в начальной фазе правильно управлять своим телом в воздухе и обязательно требуется избежать кувырка, что свойственно начинающим парашютистам. (Здесь и далее прим. автора.)]. Кто знает, что это такое, поймет. Анаконде тоже доводилось так прыгать, и не только на учебных прыжках.

В тот раз, когда я увидел ее впервые, нам была поставлена задача по уничтожению банды в одном из сел предгорной Чечни. Выбрасывали нас всей ротой с вертолетов на окраину села как раз «с принудительным раскрытием основного парашюта без использования вытяжного парашюта». При этом мне была дана конкретная жесткая установка: в самом селе незаметно для местных жителей получить из рук в руки пакет от агента Анаконды и доставить его в разведотдел бригады. Самому требовалось передать Анаконде другой пакет, с

инструкциями командования разведотдела, который я должен был держать в левом кармане своей «разгрузки». Левый карман – это будет паролем. Выводить Анаконду с собой допускалось только по собственному желанию агента.

Меня, честно говоря, смутил позывной агента. Анаконда, насколько я знал, – это известный атрибут Южной Америки, в частности, Бразилии, где она и водится в водах реки Амазонки. Какое отношение может иметь эта громадная змея к чеченским горам, я не понимал, хотя отлично знал, что позывной не должен быть ни с чем связан и никак не характеризовать самого носителя позывного. Это непреложный закон конспирации, и потому я часто встречал среди агентов крепких физически мужчин, носящих женские имена. А змея даже к имени не имела отношения. Как при этом называют самца этой змеи, я даже не догадывался, хотя понимал, что, как есть самец и самка серой вороны, точно так же должны быть самец и самка анаконды.

Десантирование осуществлялось в так называемые в астрологии «дни Гекаты», которые приходятся на два дня до новолуния и два дня после него. В эти дни на небосводе совсем не видно луну, и потому ночи совершенно темные. Охрана банды пыталась перестрелять нас в воздухе. Но это было очень сложно при той высоте, с которой мы десантировались. Мы сами еще в падении открывали огонь по светящимся точкам, показывающим, откуда в нас стреляют. Часть автоматов и пулеметов банды имели пламегасители на стволах, но ни один пламегаситель не в состоянии полностью спрятать огненный мазок так, как это делает глушитель. А у нас у всех были автоматы с глушителями. И нас было вдвое больше, чем охранников. Кроме того, конечно, помогли наши бронежилеты. Мне лично пули дважды били в бронежилет. Словно специально именно в меня целились. Били под углом и рикошетили. А одна пуля умудрилась прорвать штанину на бедре, правда, само бедро только оцарапала. Тем не менее в роте, как потом выяснилось, оказались два бойца, раненных легко, и был еще один тяжелый, которого мы потом выносили к санитарному вертолету на руках. Но, слава богу, вынести успели, как сказал военврач, вовремя, потому что пуля, пробив горло, слегка задела и сонную артерию, что вообще-то смертельно опасно, и чуть-чуть повредила шейный позвонок. Впоследствии раненый почти полностью поправился, был комиссован из армии и отправлен на инвалидность как лишенный возможности внятно говорить и частично не имеющий возможности шевелить головой. Для молодого парня, которого мать доверила в руки армейских командиров, это было, естественно, большой жизненной трагедией. Сам парень говорил:

– Кому я теперь, кроме матери, нужен такой? Лучше бы убили сразу...

Тем не менее сразу после приземления мы начали бой и быстро уничтожили все охранение села, а затем попытались и в само село войти, что в общем-то и планировалось сделать. Но тут перед нами выросло неожиданное препятствие. Прямо на дрожащие от огненного нетерпения стволы по главной дороге села нам навстречу двинулась толпа чеченских женщин и детей.

– Не стрелять! – дал я резкую своевременную команду. – Соблюдать осторожность! За толпой могут идти бандиты...

Солдаты спрятали стволы – кто наставил свой автомат в небо, кто в землю, в зависимости от того, как кого учил командир взвода. Но пальцы все же оставили на спусковых крючках, и я не услышал, чтобы где-то рядом со мной щелкнул предохранитель, принимая нейтральное положение. Оружие было готово к бою. А в небо или в землю смотрел ствол – это был вопрос, о котором до сих пор спорят и военные, и полицейские. Я лично всегда считал и считаю, что ствол следует направлять в землю. И предупредительный выстрел делать не вверх, а в землю. Ведь полет пули не бесконечен. Если стрелять в воздух, сначала она летит вверх, а потом начинает падать. И неизвестно, куда она упадет. Вполне может случиться, что упадет пуля кому-нибудь на голову за много километров от места стрельбы. Думаю, это никому не покажется приятной забавой.

Женщины тем временем всей толпой подошли вплотную и что-то громко кричали на своем гортанном, непонятном ни мне, ни моим солдатам языке. Особенно среди них выделялась идущая первой женщина среднего роста, с правильными чертами лица, хотя, может быть, для классики у этого красивого лица было излишне резковатое выражение. Она подошла первой. Эта женщина не вела с собой детей, как некоторые другие, она только принялась толкать меня руками в грудь и в бока, словно желала вытолкнуть меня с дороги на обочину и там уронить каким-то борцовским приемом. Я на эти толчки только улыбнулся и дал очередь в землю. Женщина шарахнулась в сторону, как и другие.

– В село проходим! – дал я громкую команду, понимая, что выход нам навстречу этой толпы женщин с детьми совершен специально для того, чтобы дать возможность банде сконцентрироваться и – или устроить засаду, или покинуть село так, чтобы мы не видели их «хвост» и не «сели» на него. – Прикладами работать! И локтями. Не стесняться! Контролировать боковые улицы!

Я первым подал пример, взмахнув прикладом автомата так, словно собирался ударить им стоящих поблизости женщин, а потом, в дополнение, дал вторую очередь в землю. Они шарахнулись в сторону. Мои слова они понимали, значит, знали русский язык, но говорить по-русски не желали. Не желали объяснить, чего они добиваются. Но это было и без слов понятно. Задача у толпы стояла одна – остановить роту хотя бы ненадолго. Но их было слишком мало, чтобы нас остановить. Два с половиной десятка взрослых и столько же детей. Работая прикладами и локтями, мы заставили толпу рассеяться – кое-кому особенно упорному или же просто бесстрашному, естественно, досталось прикладом или локтем – и прорвались в село. Там уже рассыпались веером. По дороге шел только я в сопровождении двух офицеров и нескольких солдат, которых я жестом отправил на обочину.

«Хвост» уходящей банды мы все же заметили на одной из боковых улиц в центре села. Туда и направили преследование. Это позже бандиты научились воевать, обрели собственную тактику и проявляли национальные хитрость и смекалку. В подобной ситуации они выставляли обманную засаду, которая привлекала к себе внимание преследователей, а основная часть уходила в другую сторону. Опасаясь этого, я направил в преследование только два взвода из шести, что числились в роте, а сам, ожидая хитрости, до которой бандиты тогда, в самом начале войны, еще не додумались, двинулся проверять все село. Но командир одного из взводов по громкоговорящей связи сообщил мне, что, похоже, они преследуют всю банду. Не менее пятидесяти стволов, которые огрызаются по мере бегства. И только после получения сообщения я повел роту за двумя первыми взводами. Банду мои «волкодавы» догнали, загнали в тупиковое ущелье и уничтожили. А я все время думал, как мне встретиться с агентом Анакондой, где его искать. Решил было после уничтожения банды вернуться в село, где нам местные женщины постарались бы все физиономии исцарапать.

Хорошо, что мысли об Анаконде меня преследовали так настойчиво. Не знаю, с какой стати я сунул руку в левый карман «разгрузки» и не обнаружил там свернутого трубочкой пакета, который я должен был передать агенту. Карман сам по себе был очень узким, и потому пакет пришлось трубочкой свернуть. Признаться, я испугался! Потерять в боевой обстановке такой важный документ – для офицера разведки это недопустимо. Мелькнула мысль, что я левую сторону с правой перепутал. Стал в правом кармане искать, который сам к «разгрузке» пришел вместо такого же маленького, что и слева, и нашел там трубочку. Вытащил и сразу понял, что это не тот пакет, хотя это тоже был пакет. Тот пакет, что я получил в разведотделе, я сам сворачивал и хорошо помнил, что он

был слегка зеленоватый. А новый был белым. Но у меня не было в кармане белого пакета, ему просто неоткуда было взяться! Присев на камень, я стал внимательно рассматривать пакет, удивленный его появлением в собственном кармане, куда я ничего подобного не клал.

– Что-то случилось, товарищ капитан? – спросил лейтенант Удавченко, командир второго взвода, останавливаясь рядом.

– Нет, ничего. Продолжайте движение. Ориентир я дал...

Ориентир был выбран по карте. И я даже не знал, насколько он удобен или неудобен для посадки вертолетов. Выбрасывали нас с парашютами, а забирать должны были вертолетами. Но район подбора роты определяли в оперативном отделе, куда меня не пригласили. Мне же только отметили точку на карте. И в эту точку я вел свою роту. При этом мы имели возможность пройти и минуя село, и напрямую, через само чеченское село, в котором только что уничтожили значительное количество молодых мужчин. Как идти, я еще не решил. А пока рассматривал пакет. Пакет был не запечатан, и я, заглянув внутрь, сразу увидел написанный мелким убористым почерком рапорт с оперативной сводкой, а рядом еще один свернутый вчетверо листок из школьной тетради в клетку. Тем же убористым почерком было написано обращение, как я понял, ко мне, прилагался от руки нарисованный план одного из концов села, где крестиком был обозначен дом, в котором прятался Валид, эмир банды, бывший капитан чеченской милиции. Уходить вместе с бандой он не намеревался, понимая, что мы все равно догоним бандитов и уничтожим – для того «волкодавы» и существуют, чтобы не позволить «волкам» спастись бегством. Это был вопрос оперативного характера, но меня интересовал вопрос более глобальный – как, каким чудом этот пакет оказался в моем правом кармане и каким образом у меня из кармана левого куда-то исчез другой пакет? Выронить его я не мог – карман имел закрывающийся на «липучку» клапан. И кто сумел незаметно для меня вытащить документ из кармана? Я искал и не находил ответа на свой вопрос. Но долго раздумывать у меня возможности не было. Рота подошла к селу. Я еще раз сверил свою зрительную память с нарисованным от руки чертежом, подозвал к себе лейтенанта Удавченко, временно командовавшего первым и своим вторым взводами, пока собственный командир первого взвода лежал в госпитале с травмой спины, показал ему чертеж:

– Берешь оба своих взвода, заходишь к дому через огороды, но дальше забора не выступаешь. Займешь позицию, сообщишь мне. Все понял?

– Так точно, товарищ капитан!

– Работай...

Первый и второй взводы убежали. Сообщение от Удавченко я получил через восемь минут по громкоговорящей связи:

– Товарищ капитан, мы на месте. Можете выступать.

Мы выступили, но, когда еще только подходили к дому, где прятался эмир банды, Удавченко сделал новое сообщение:

– Товарищ капитан, мы человека захватили. Бежал из того дома через черный ход. Он называет себя эмиром Валидом.

– Убежать хотел, гаденыш!

– Да куда уж ему бегать! Еле ноги переставляет. Штаны на ходу сваливаются. Ему далеко за восемьдесят.

Но эмир Валид, перед тем как возглавить банду, был капитаном милиции. Ему никак не могло быть восемьдесят лет. О чем я сразу предупредил лейтенанта Удавченко:

– Значит, не он...

Выставив бойцов контролировать окна, я с тремя офицерами подошел к двери и громко постучал прикладом. Дверь никто открывать не спешил. Тогда мы прикладами выбили ее и ворвались в дом, где в одной из комнат сидела на диване очень даже пожилая женщина и смотрела телевизор. Как мы сразу выяснили, она была полностью глухой.

Настоящего эмира Валида мы нашли быстро – он прятался в погребе сарая. А старик, который попал в руки солдат первого и второго взводов, на скверном русском языке пытался что-то объяснить лейтенанту. Я прислушался. И понял. Это был отец эмира Валида. Ведь слово «отец» на чеченском языке звучит

именно как «валид».

Короче говоря, настоящего эмира мы забрали с собой, его престарелого отца оставили ухаживать за глухой женой. До места посадки вертолетов добрались нормально, в ближайшем лесочке дождались, когда за нами прилетят, и спокойно улетели. Двое легкораненых передвигались самостоятельно. Тяжелораненого погрузили первым в санитарный вертолет, который я вызвал по рации. Эмира повезли с собой. В аэропорту нас уже поджидало шесть грузовиков – как обычно, по одному на каждый взвод. Я поехал с первым взводом, воспользовавшись тем, что он был пока без командира и мне не требовалось выселять кого-то из офицеров, чтобы сесть самому в кабину, как и полагается командиру роты. И эмира Валида приказал загрузить в кузов той же машины – пусть на жестком полу повалится, пусть его побьет телом о жесткий металл, которым кузов обит. Загружали его потому, что руки у эмира были крепко связаны фирменным для спецназа ГРУ способом – когда тыльные стороны ладоней притягиваются одна к другой крепко-накрепко, а потом точно так же притягиваются предплечья до локтей. Руки в таком положении очень быстро затекают и мучают пленника. Солдаты получили приказ хорошо караулить пленника, и, видимо, караулили они качественно, потому что при выгрузке из кузова уже на территории военного городка я совершенно случайно заметил под каждым глазом у эмира по внушительному синяку. Я решил не выяснять появление своеобразного макияжа, а сам он, не желая еще раз встретиться с чьим-нибудь кулаком, жаловаться не стал. Понимал, что бандиты, если солдат попадет к ним в руки, обращаются с ним несравненно хуже. Я передал пленника дежурному по штабу с тем, чтобы тот, в свою очередь, передал его с рук на руки офицерам ФСБ, которые должны были вот-вот подъехать – о пленнике им по своей рации сообщили пилоты вертолета, – а сам сразу поднялся по широкой лестнице в разведотдел.

Каяться пошел... Или, говоря более колоритным солдатским жаргоном, «пошел сдаваться». Признаться честно, я так и не разобрался с тем, что произошло с пакетами. Уже даже начал грешить на какие-то провалы в памяти, о чем предпочитал громко не говорить, поскольку какой может быть разведчик из человека с провалами в памяти!

Но в разведотделе вынужден был сказать, что пакет, который я должен был передать, непонятным образом исчез из моего кармана, а взамен в другом кармане оказался пакет от агента Анаконды. Меня подробно расспросили обо всех событиях того дня сразу после десантирования на окраине чеченского села.

Особенно почему-то интересовались моментом, когда одна из женщин пыталась меня вытолкнуть с дороги. Офицеры разведотдела даже переглянулись и посмеялись над этим моментом, ожидая, похоже, смеха и с моей стороны. Но мне было, честно скажу, не до смеха. Потом офицеры приняли от меня пакет с донесением и восприняли при этом все загадочное происшествие так, словно ничего необычного не произошло. И вообще получалось, будто они думали, что я в курсе всяких чудес чудесных и должен был бы вместе с ними навесить на свою грустную непонимающую физиономию улыбку. А мрачное выражение моего лица было принято за высокий артистизм, не иначе.

Говоря честно, я ожидал какого-то серьезного разговора и конкретных мер против себя. Вплоть до снятия с должности командира разведроты. А как иначе, когда я потерял совершенно секретный документ. А основную причину случившегося я понял только месяца через полтора, получая очередное задание от подполковника Самохина, начальника разведотдела бригады и, по сути, моего основного шефа, хотя основным шефом для командира разведроты являются все же комбат с начальником штаба батальона, но и сам комбат, и его начальник штаба предпочитали давать задания Самохину, а он уже передоверял кому-то выполнение, в том числе и мне с моей ротой. Короче говоря, я сидел в его кабинете, когда раздался стук в дверь и в кабинет вошла женщина в форме лейтенанта спецназа ГРУ. Я сразу и безоговорочно признал в ней ту самую женщину, что выталкивала меня с дороги в чеченском селе и уступила мне путь только после того, как я дал очередь в землю, ей под ноги. А потом еще прикладом взмахнул так, что чуть полголовы ей не снес.

– Вот, познакомься, Виктор Вячеславович, это лейтенант Змиева, известная тебе по позывному Анаконда. Она только вчера вернулась с задания. Рад буду вас познакомить, если вы друг с другом еще не знакомы.

Признаться, я почему-то считал, что Анаконда должна быть мужчиной. Как-то так повелось, что в рядах спецназа ГРУ женщин можно встретить достаточно редко, да и то чаще всего на бумажной работе, типа оформления различных документов и прочее, или же в медсанчасти – врача или медсестру.

– Ты, Виктор Вячеславович, помнится, сильно недоумевал, как ловко Тамара Абдулгафаровна забрала у тебя пакет с заданием для нее и умудрилась подсунуть тебе другой пакет, со своим донесением. Я понимаю, что ты все видел, но виду тогда не подал и нас даже убедил, что Анаконда сработала так четко! Лейтенант Змиева у нас вообще считается крупным специалистом по

подобным шуткам. В свое время мы специально во время ее подготовки привлекли отставного уголовника-«щипача»[2 - «Щипач» - вор-карманник, считается элитой в уголовном мире, высшей воровской кастой.], который четыре месяца готовил ее. Уголовник потом говорил, что Тамара Абдулгафаровна превзошла его во всем... Ты, помнится, тогда сделал вид, что не заметил, как документ исчез из твоего кармана и в другом кармане оказался второй документ.

- Не заметил, - сознался я, не выйдя еще из оцепенения и введя своим признанием в полуоцепенение подполковника Самохина.

- Это качественная оценка моего скромного труда, - сказала лейтенант. - Если офицер спецназа ГРУ не уловил момента, когда я забралась к нему в карманы, я своими действиями удовлетворена.

Впоследствии, на различных занятиях для офицеров спецназа, мне приходилось многократно встречаться с Тамарой, которую я уже стал звать по имени, опуская труднопроизносимое для меня лично отчество. Мы тогда были молоды, у меня как раз заканчивался бракоразводный процесс с первой женой, у которой нервы не выдерживали моих боевых командировок, и она требовала, чтобы я ушел со службы. Предстоял третий, завершающий судебный процесс, но примирить нас он был уже не способен. Жили мы к тому времени уже отдельно и даже в разных городах.

А Тамара вскоре снова пропала из моего поля зрения. Просто исчезла, и все, как часто бывает с людьми, несущими службу в разведке. Они права не имеют сообщать посторонним, куда и на какое время уезжают. А потом и мне предложили новую должность. Сразу пообещали присвоить звание майора. А должность была подполковничья и называлась заманчиво - начальник отдела испытаний перспективных видов вооружения и оборудования. Говоря честно, меня не слишком прельщала штабная служба. А начальник любого отдела - это в первую очередь штабной человек. Но при этом я отдавал себе полный отчет в том, что любому офицеру, чтобы стать, к примеру, комбатом, необходимо предварительно пройти штабную службу, хотя бы начальником штаба батальона. И повышение в звании для каждого офицера - это немаловажное событие. Плох, как говорится, тот солдат, который не мечтает стать генералом. Поскольку генеральских званий в спецназе ГРУ не существует, у нас даже командующий - полковник, генералом я стать даже не мечтал, но отказываться от звания майора не собирался. Тем более уже в должности командира

разведроты я имел возможность сталкиваться с испытанием перспективных вооружений и оборудования. И это мне было интересно. Кроме того, мой старший сын от первой жены был, как говорили, очень талантливым и перспективным специалистом в области ИИ-технологий[3 - ИИ-технологии - область науки, занимающаяся искусственным интеллектом.] и занимался после окончания вуза как раз военной тематикой, работал над созданием разумных военных роботов. То есть в совместимой с моей области науки. И потому я согласился.

Правда, при этом подумал, что моя бывшая жена была бы рада такому моему решению и решила бы, что я остепенился, стал солидным, с ее точки зрения, человеком. Ей бы это пришлось весьма даже по душе. Но меня все эти вопросы уже не волновали так, как волновали раньше. Положение временно одинокого человека, который может полностью посвящать себя службе, меня вполне устраивало. К тому же в бригаде снова откуда-то появилась Тамара Змиева - видимо, вернулась с очередной операции, причем уже старшим лейтенантом разведотдела. Нас словно что-то толкало друг к другу, и мы иногда даже против своей воли искали общения. Примерно тогда же я узнал от нее историю ее фамилии. По национальности она чеченка, представительница влиятельного чеченского тейпа[4 - Тейп - единица организации нахских народов (ингушей и чеченцев), определяющаяся общим происхождением входящих в нее людей.]. И фамилия у нее была - Эмиева. Но при получении паспорта пожилая женщина в паспортном столе районного отдела милиции забыла, видимо, надеть вовремя очки и записала вместо буквы «Э», букву «З». С пожилыми людьми это порой случается. Сама Тамара хватилась только через какое-то время, когда подавала документы в Рязанское училище воздушно-десантных войск, где служил ее отец и учился старший брат. Стала выяснять обстоятельства, хотела сменить паспорт, но оказалось, что проще сменить все другие документы, вплоть до свидетельства о среднем образовании, чем одну букву фамилии в паспорте, если только эта фамилия не относится к разряду неблагозвучных. В результате подать документы в училище ВДВ она не успела. А на следующий год в женский взвод набор решено было прекратить. Но тогда же она узнала, что есть недобор в знаменитую девятую роту того же училища, на факультет специальной разведки. Правда, в девятой роте не существовало отдельного женского взвода. Но кому-то из командования училища понравилась сама идея подготовить женщину-разведчика, может быть, отец вовремя кому-то что-то шепнул на ухо, и Тамару приняли в девятую роту с тем, чтобы жила она не в казарме роты, а вместе с женским взводом училища ВДВ, которому в общей казарме было выделено два отдельных кубрика.

Я к моменту выпуска Тамары из училища уже был командиром взвода. Кажется, в тот же год стал и командиром разведроты. Но все эти моменты были не очень важны для семейной жизни. Мы поженились через несколько месяцев и служили вместе до выхода на пенсию. В один год вышли...

Глава первая

Кисть у Тамары сильно опухла. Похоже было, что вылетел сустав в месте соединения пястной и головчатой костей кисти. Если до завтра не пройдет, придется мне самому вправлять кость. Делать это я умею, хотя это и больно, особенно женщине, которая иногда даже маникюр делает и вообще за ногтями следит, несмотря на свой возраст и частую работу в огороде с землей. А пока хорошо бы приложить к руке лед в целлофановом пакете, но взять лед было негде. Менты, как я догадался, лед у себя в отделении не держат. Но Тамара все же спросила у них, хотя мне ответ был известен заранее. Он и был озвучен равнодушным голосом:

– Йод или зеленку можем предложить. Кажется, даже бинт с ватным тампоном оставался. А больше ничего в наличии нет. Ах, еще есть корвалол... Не надо?

– Сами пейте! Хоть из горла`! – Этим возгласом Тамара показала, что сердце у нее здоровое, а нервы крепкие и она совершенно не волнуется.

Нас из полиции отпустили раньше, чем задержанных. Их, как я догадался, вообще задерживать не собирались, просто, похоже, хотели провести беседу без посторонних. Без нас то есть, хотя мы были и не совсем посторонними. К моему удивлению, попросили только подписать протокол допроса, но не попросили написать заявление. Сам я тоже не слишком настаивал, понимая, что, как только мы уедем, наши заявления будут выброшены в корзину для бумаг. Привычное дело! К чему тогда себя утруждать? Тамара этому почему-то удивилась – наивная, она еще верила, что в нашей стране существуют законы для всех, но я отнесся к этому хладнокровнее, понимая, что полиции ни к чему лишние дела, тем более и у нас, и у наших противников были на автомобилях номера других регионов. У них – так вообще какой-то отдаленной республики. Заплатят парни, и их отпустят, подумал я и шепотом на ухо попытался объяснить это жене. Объяснить-то объяснил, только она не поверила. А зря. Так, судя по всему, и

произошло. Ярко-красный «Камаро» догнал нас уже на въезде в нашу область, когда над дорогой уже встала прочная предночная темнота, обогнал без проблем не только потому, что я ехал не спеша, но и потому, что ездить быстрее моя машина, в силу своего возраста, уже не умела, и резко остановился впереди. Неплохо бы произвести небольшой таран, но я слишком бережно относился к своей машине и знал, что отремонтировать ее мне будет не на что, поэтому тоже затормозил. Остановился в каких-то тридцати сантиметрах от его красивого бампера. И тут снова пожалел, что не совершил таран. Ну, помял бы себе бампер – потом исправил бы сам. Но моя машина значительно выше, и мой бампер ударил бы в их багажник. Ремонт багажника с финансовой стороны не сравним с ремонтом бампера.

Еще до того, как эти двое покинули спортивные кресла-«ковши» своей машины, я, по подсказке жены, успел положить в карман пластмассовый кастет с впаянными в него зубами акулы. Этот кастет подарил мне после окончания совместных антитеррористических учений американский спецназовец из состава «морских котиков». Сам по себе кастет не тяжелый и не делает удар значительно более жестким. И зубы акулы не слишком острые, хотя увечья нанести могут даже самой крепкой голове. Но при этом зубы акулы имеют уникальную в животном мире серрейторную [5 - Серрейторная заточка – заточка по волнистой линии, внешне напоминает пилу, хотя, если заточка произведена правильно, такой нож режет несравненно лучше любого другого ножа. По крайней мере, парашютную стропу этот нож перерезает одним движением. Акула, вопреки сложившемуся мнению, имеет весьма слабые челюсти. Но природная серрейторная заточка зубов делает акулу способной перекусывать самые твердые предметы, вплоть до металлических. Наиболее часто серрейторная заточка встречается в любом кухонном наборе поварских ножей.] заточку. Точно такую же, как на ноже-«стропорезе» у десантников. «Морской котик» подсказал мне с помощью карманного переводчика в виде трубки обычного сотового телефона, что удар этим легким кастетом следует наносить по касательной линии, тогда кастет просто разрывает человеческое мясо вместе с костями. Было это за две недели до моего выхода на пенсию. И подарок я сохранил, хотя ни разу им не пользовался. Просто положил в карман дверцы машины, и там он у меня пылился уже больше трех лет. Сначала в городе, где мы жили больше года, а потом и в деревне, куда мы переехали по совету товарища, который сам обосновался после выхода на пенсию неподалеку от нас – всего-то в восьми километрах.

Я вышел из машины, предоставляя себе в случае каких-то осложнений возможность маневра. Вышла и Тамара, не пожелав оставить меня одного

против двоих, хотя, думаю, в возможностях моей специальной подготовки не сомневалась. С двумя противниками я по идее должен был справиться, тем более меня предупредили, что один из них мастер спорта по борьбе. Значит, я свою задачу видел в том, чтобы не дать ему совершить захват. Избежать этого не сложно, если знаешь, куда следует бить. Но Тамара по нраву своему – воин. Если у обычных женщин в крови от нуля до ноль целых трех десятых промилле тестостерона[6 - Тестостерон – мужской половой гормон, отвечает не только за половые возможности мужчины, но и за агрессию, за рост и взрывную силу мышц.], то у нее тестостерона, пожалуй, будет больше, чем у большинства офисных мужиков с пивным животиком, на который не грех и кружку с пивом ставить, и потому, несмотря на травмированную руку, она обязательно, чего я опасался, ввязалась бы в любую драку, что ставило меня по большому счету в невыгодное положение. Следовало не только самому драться и себя защищать, но и следить за тем, чтобы с ней ничего не случилось. Наличие такого партнера вопреки желанию самого партнера нежелательно. Но в одном Тамара, несомненно, права. Остаться ей в машине нельзя, она была бы там в замкнутом пространстве, где вопрос возможной схватки решался бы только за счет общей физической силы. А у любого мужчины от природы силы больше, чем у даже тренированной когда-то женщины. Кроме того, противник мог бы и не забираться в саму машину, а наносить удары снаружи. А внутри не было бы возможности от них уйти или выставить блокировку. Сам я по той же причине из машины вышел, едва увидел, как два сильных парня покидают сиденья «Камаро». Но Тамара, как и полагается военному разведчику, даже отставному, здраво и адекватно оценила обстановку, она не двинулась навстречу противникам, а обошла машину, остановившись за моей спиной, и была готова в случае необходимости осуществить возможную поддержку. Например, подставить плечо, если меня толкнут и я, споткнувшись, начну падать на спину. Это нормальная страховка, нужная любому.

Противники тоже прибегли к подобному маневру. То есть второй, который был физически крепче и, видимо, намного сильнее, перешел за спину первому, предоставляя тому возможность вести разговор, на который сам он был не великим мастером.

– Ты капитально влип, мужик... – сказал водитель уже почти без акцента. Теперь, когда у него за спиной не было ментов с автоматами, он совсем не волновался. – У нас есть твой адрес. Менты дали. Ты думал, менты тебя защитят? Да нет в России мента, которого нельзя было бы купить. Все от цены зависит. Одни больше себя ценят, другие меньше. А как купишь, он уже будет полностью на твоей стороне, до конца. Так что менты теперь будут сами тебя

гонять. Мы написали заявку за нападение на бензозаправке. Мент сам нам диктовал, что писать. И теперь против тебя дело откроют. Теперь платить замучаешься. А на днях мы к тебе приедем с друзьями-земляками, тогда и разберемся и с тобой, и с твоей бабой...

- Ты откуда такой храбрый взялся? - из-за моей спины спросила Тамара.

- Я с Кавказа. Приезжай к нам, если хочешь, мы тебе там хорошего мужика найдем, у нас таких много.

Я шагнул к нему, и парень шарахнулся ближе к багажнику своей машины. Кажется, вообще убежал бы, если бы его не придержали руки второго.

- Я сама с Кавказа! - заявила из-за моей спины Тамара.

- Змиева... Фамилия какая-то у тебя не кавказская.

- Эмиева... - сообщила она. - Я из известного чеченского тейпа. И знаю, что тебя и твоего друга засмеют нормальные мужчины. Одного женщина вырубил, второй вообще трус, убежать всегда готов... Приезжай к нам в деревню со своими земляками. Я расскажу им, кто вы такие, тогда и посмотрим, за кого твои друзья поднимутся. Может, каждому из вас дадут по пинку и уедут...

Она, кажется, нашла верный тон в разговоре с этими парнями. Да, честно говоря, ей, представителю одной из народностей Кавказа, лучше, чем мне, известно, что позор для мужчины бывает страшнее не только смерти, но даже страшнее мук и пыток. По крайней мере, она сумела их смутить и остановить немедленную атаку, хотя атака, на мой взгляд, все же должна была состояться. Просто ради того, чтобы нам угрожать и предупреждать нас, они не стали бы догонять «Волгу» на дороге. Но заминка все же произошла. Это дало мне возможность незаметно сунуть руку в карман и вложить пальцы в кастет. Кастет - мощное холодное оружие, и напрасно его многие недооценивают. Нанесенный в голову удар проламывает череп, а если противник закроется рукой, то рука будет гарантированно сломана. Правда, для этого еще требуется уметь наносить удар правильно. А я этому обучен.

Второй долго слушал, а потом все-таки решил, что и ему необходимо что-то сказать.

– Ты сзади меня по ушам ударила... – проговорил он с легким акцентом. По акценту я подумал бы, что оба они давно уже живут среди русских людей и с ними общаются больше, чем с земляками. – Когда не видишь удар, любого можно вырубить. А это как лопатой по голове со спины... До сих пор звон в ушах стоит.

– Но вырубил-то я тебя уже после этого – кулаком, – она показала свою перевязанную руку. – Когда ты уже повернулся ко мне лицом. Значит, не со спины била. Но у меня и вторая рука бьет так же. Могу повторить!

Тамара откровенно задиралась. Она, что называется, в раж вошла, и я лучше других знал, как в такие моменты ее трудно бывает остановить. В классической советской литературе это, кажется, называется: «Остапа понесло»...

Здоровый парень со спины водителя пошевелил волосатой лапой и отодвинул напарника, как какой-то тук непонятно с чем. Он, кажется, даже усилий для этого не применил. С одной стороны, это могло говорить о его немалой физической силе, но, с другой стороны, это же могло бы говорить и о том, что водитель его желанию не сопротивлялся. То есть не горел желанием драться сам, предоставляя поле деятельности мастеру спорта по вольной борьбе и сильно, видимо, надеясь на его мышцы. Противник стоял напротив меня и, кажется, был настроен решительно, посчитав, что пора переходить от слов к кулакам. В самом деле, у меня рост всего сто семьдесят восемь сантиметров. Да и то – был когда-то, сейчас, в свои шестьдесят три года, я уже вниз, пожалуй, расту. А вес раньше был восемьдесят килограммов. Мастер спорта по вольной борьбе в полутяжелом весе на соревнованиях должен выступать в весовой категории до ста килограммов. Наверняка он вес гоняет, как все борцы и боксеры. Значит, сейчас весит как минимум около ста десяти килограммов. Может, только на пару килограммов меньше. И рост у него тоже явно выше ста восьмидесяти пяти сантиметров. Мышцы накачаны, буграми выступают из-под спортивной майки, которую он успел надеть взамен рубашки, забрызганной кровью. Возраст у него явно не достиг тридцати. Значит, более чем в два раза моложе меня. Наверное, имеет хорошую резкость и реакцию, так что в его глазах я не выглядел серьезным соперником. И правильно его напарник заметил, что Тамара ударила борца, когда находилась за его спиной. Неожиданно то есть. Поэтому показать себя во всей красе у него просто возможности не было. А он надеется это сделать. Хотелось, видимо, самоутвердиться на пожилых людях. С такой подготовкой и с такими мышцами просто грех проявлять слабость перед стариком с седой бородачкой – кстати,

седеть волосы у меня начали уже после сорока лет, при нашей службе это не нонсенс. Но борец с высоты своего роста и спортивного звания этого не хотел брать во внимание. Он был уверен в себе так же, как я в себе. Но я отдавал себе отчет, что передо мной противник, как говорится, серьезный. А он был готов попросту смять меня, сровнять с дорогой без сопротивления. Вернее, готовился это сделать. Я повернулся к нему левым боком, чтобы не показать, как вытаскиваю из кармана правую руку с кастетом, и саму руку оставил за спиной. Борец принял мое движение за принятие стойки и ринулся вперед. Но совсем не так, как я предполагал. Он выбрал иной план, свой, борцовский, и, как натуральный борец вольного стиля, пожелал провести «проход в ноги»[7 - Самый элементарный и распространенный прием в вольной борьбе. Основан на захвате обеих или одной ног противника с тем, чтобы уронить его.], чтобы приземлить меня на пятую точку и уже доломать в партере. Но моя седая борода не помешала мне вовремя среагировать и нанести удар коленом ему в брегму[8 - Брегма – шов костей на черепе, место соединения теменной кости с лобовой. В этом месте, под черепом, находятся двигательные центры мозга человека.], то есть туда, куда я привык бить рукояткой пистолета или прикладом автомата, а иногда доводилось и кулаком, нижней его частью, с кругового движения. Удар мой был не амплитудным, тем не менее достаточно резким и мощным. И оказался отключающим. Брегма в случае такого удара имеет способность смещать теменную кость и придавливать мозг как раз в районе двигательных центров. Так, видимо, и произошло. Противник потерял способность распоряжаться своим телом. Часто это бывает навсегда и означает обязательную инвалидность. Долго не думая, я шагнул ко второму, он тоже сделал шаг в мою сторону, чтобы помочь борцу, хотя там помогать уже было некому. Однако водитель «Камаро» этого еще не понял. Ножа у него на сей раз с собой не оказалось, и потому он просто ринулся вперед. Я остановил его движение левым джебом[9 - Джеб – прямой удар передней рукой в боксе, кикбоксинге, муай-тай и в смешанных единоборствах.] и тут же нанес быстрый скользящий удар кастетом противнику по горлу. Я сам, признаться, такого не ожидал. Горло оказалось разорванным, как и обещал мне американский «морской котик». Кастет умел резать лучше любого ножа. Поскольку бил я с правой руки, то порвал левую часть горла, где по сонной артерии подается кровь к мозгу. С такими ранениями не живут, даже если человека сразу положить на операционный стол.

– Ты его убил? – спросила Тамара довольно спокойно, даже с каким-то равнодушием.

– Похоже на то, – кивнул я, тоже не сильно волнуясь.

- Второго... - сказала она сурово.

- Что - второго?

- Нельзя оставлять. Он свидетель...

Я сам это уже давно понял, но мне было важно, чтобы это сказала Тамара, потому что она без этого приказа тоже только свидетель, а не соучастник. Я шагнул к борцу, перевернул его на спину и еще раз взмахнул кастетом с серрейторной режущей кромкой.

И тут вдалеке сквозь листву деревьев показался свет фар идущей в нашу сторону машины. Убирать еще одного свидетеля, непричастного к происшествию, мне не хотелось, но хотелось обеспечить собственную безопасность. И потому я, кивнув Тамаре, схватил под мышки борца, она схватила его за ноги, и вдвоем мы легко затащили его в придорожные кусты. Водителя «Камаро» тащить так далеко у нас времени уже не было, мы просто сбросили его в кювет позади его собственной машины. Я сел за руль и торопливо вывел свою «Волгу» на дорогу. Тамара села в машину, по сути дела, уже на ходу.

- Как рука? - спросил я.

- Таскала тяжеленных мужиков и ни разу не вспомнила про руку.

- Состояние аффекта[10 - Аффект (психологич.) - эмоциональный процесс взрывного характера, проявляемый с высокой интенсивностью и при этом достаточно кратковременный. В судебной практике обычно считается смягчающим вину обстоятельством.], - сделал я вывод, вдавливая в пол педаль акселератора, чтобы идущая за нами машина не смогла нас догнать. Но она, похоже, еле ползла, хотя дорога позволяла и разогнаться. Тамара часто оборачивалась, стараясь рассмотреть свет фар позади. Но его уже давно не было видно.

- Наверное, фура. Тяжело нагружена, не догонит... Нам еще километра три по этой дороге ехать. Всего-то три километра...

Через три километра на дороге был поворот в нашу деревню, и дальше нам предстояло стучать подвеской по пыльной грунтовке. Но мы к этой пыли уже привыкли...

– Соображай, какие следы мог на месте оставить? – сказала Тамара, едва мы вернулись, вошли в дом и сели на кухне.

Я тут же включил чайник. Когда я пью чай, неторопливо и со вкусом, мне обычно хорошо думается.

Вот уж никогда не предполагал, что доживу до времен, когда после пустякового, по сути своей, инцидента, если сравнивать его с тем, что я успел пройти за годы службы в армии, у меня может пересохнуть во рту. Но вот пересохло, потому я сразу и включил электрочайник. А вот Тамара держалась молодцом, и меня ее голос и манера поведения подбадривали.

На ее вопрос я задумался только на десяток секунд, потому что еще в дороге, держась за руль своей «Волги», обдумывал то же самое.

– Никаких...

– Тогда иди, умойся как следует, а лучше всего баню растопи, смой кровь с рук, особенно внимательно ногти прочисть. Прямо ножом, а потом металлической щеткой. Обычно кровь под ногтями остается. Экспертиза обязательно под ногтями скребки берет. Потом сожги одежду, в которой сегодня был. Стирать бесполезно. Следы крови все одно останутся. Лучше уж кардинально вопрос решать. В золе следов крови не будет. Ты только печку помешивать не забывай, чтобы все в золу превратилось. У тебя же, кажется, есть точно такой же костюм?

– Есть, – кивнул я. – Как и у тебя...

Эти камуфлированные костюмы остались у нас еще с армии. Как и тот, который решено было сжечь. Решено было Тамарой, но я понимал, что это необходимое действие, и не противился, даже при том, что расставаться с привычной одеждой не очень хотелось. Она командовала, хотя по званию я был старше.

- Что еще? Соображай, думай!

- Руль машины... - напомнил я. - Мог кровью испачкать. Но там только оплетку следует снять. Сам руль под оплеткой спрятан.

- Оплетку тоже сожги... И сапоги...

- Вонять будет - на всю деревню. Резина с вонью горит...

- Сегодня ветер - северо-западный, весь дым в лес унесет. Да и кто его нюхать будет! Дачники все разъехались. А кроме нашего в деревне четыре дома жилых осталось. Все старики уже спят...

Когда она успела все заметить и привычки местных узнала, хотя мы с ними почти не общаемся, - оставалось только удивляться. Одно слово - разведчица...

- Кастет тоже сожги. Он в крови.

- Ну уж нет, - не согласился я. - Это классное оружие. Я его вымою, заверну в тряпочку и в огороде закопаю. Под бочкой с водой. Или в грядке...

- Как хочешь... - пожала плечами Тамара. - В тайник увезти не успеешь?

- Скорее всего, не успею. И денег на бензин нет. Сколько до пенсии осталось?

- Пять дней.

- Вот через пять дней, как бензином разживусь, и отвезу...

Я налил себе чашку чая, радуясь хотя бы тому, что пальцы от волнения не дрожат, хотя отдавал себе полный отчет в том, что боевую форму я в определенной степени уже потерял - годы брали свое, а шестьдесят три для бывшего боевого офицера, имеющего несколько легких ранений и две тяжелые контузии, - это уже возраст, видимо, запредельный. Я неторопливо допил чай и под взглядом Тамары пошел растапливать баню...

Выполнив все, что было задумано и решено, отказавшись от длительного и многократного посещения парилки, что я обычно любил, я поставил лопату, которой закапывал в огороде отмытый от крови кастет, в сарай с садовым инструментом и вернулся в наш маленький одноэтажный домик. Тамара уже легла спать. А я снова удивился ее хладнокровию. Ведь она только совсем недавно стала, по сути дела, соучастником двойного убийства. И смогла спокойно заснуть. Конечно, степень участия в этом убийстве у меня и у нее разная. Тем не менее для женщины Тамара вела себя очень хорошо. Ничуть не истерила, все помнила, даже мне подсказки давала.

Стал и я укладываться на ночь. И тут только выяснилось, что Тамара не спит. Она села на своей кровати и произнесла:

– Давай согласуем линию поведения. Допрашивать нас будут, естественно, по отдельности. Чтобы лишнего не ляпнуть...

– А что тут согласовывать... – отмахнулся я, желая сам отдалиться от этой болезненной темы и ее в тему не углублять. – Из полиции сразу домой поехали. Приехали, попили чаю и спать завалились...

– Когда, думаешь, они приедут?

– Кто? – сделал я вид, что не понимаю, о чем разговор.

– Разыскники...

– Ты ведь сама по дороге часто одна едешь. Когда видишь, машина у обочины стоит, ты всегда останавливаешься?

– Никогда.

– Вот и я тоже – никогда. Какая машина ни будь, хоть «Камаро», хоть «Роллс-Ройс»...

– А ты хоть раз встречал на наших дорогах «Роллс-Ройс»?

– Не доводилось. Это я просто к тому, что у «Камаро» тоже никто не остановится, – продолжил я свою мысль. – Хотя бы до завтра. Если кто проедет сегодня, а потом и завтра, может заинтересоваться – второй день машина без пригляда на одном месте. И место там не грибное. Так что вполне может и остановиться. А может и не остановиться. Все от него от самого зависит, сколько он в сердце равнодушия набрать успел. Если телесериалы часто смотрит, то не остановится. Если и телевизора дома не держит, остановится обязательно. Увидит труп в кювете и вызовет полицию.

– Теперь давай думать, какую полицию?

– Ну, наверное, не полицию нравов, да у нас в стране, помнится, таковой и нет отродясь, – ерничал я, тем самым отвлекая и себя, да и Тамару тоже. – Была когда-то налоговая полиция, но кому-то на «хвост» наехала, прикрыли ее.

– Я не про то. Полицию из какой области? Где убийство было?

– Прямо против столба с указателем на дороге. До сантиметров я не измерял. Хорошо бы, ни те ни другие не стали братья. Пусть дольше неразбериха тянется. Пусть стараются одни другим передать.

– Но в итоге к нам все равно обязательно приедут...

– Обязательно, – согласился я и громко зевнул, демонстративно показывая, что спать уже пора.

Может быть, Тамара удивилась моему хладнокровию, как несколько минут назад удивлялся я ее хладнокровию. Но мне действительно хотелось спать. Пока баню растапливал, пока сжигал вещи, время незаметно пролетело, и уже пошла вторая половина ночи. Самое время для крепкого сна. Хотя я и предполагал, что сказалась нервная нагрузка, от которой я уже успел отвыкнуть.

Нервная нагрузка – это вообще-то странная вещь. К ней привыкаешь так же, как к какой-то одежде, и она начинает казаться удобной. Но проходит время, в какой-то период своей жизни ты этой нагрузке не имеешь, и все, уже начинаешь от нее уставать. Это как новая одежда из магазина. Вроде бы и размер твой, и сидит на тебе хорошо, но все равно что-то непривычное ощущаешь...

Глава вторая

Проснулся я привычно рано в прескверном состоянии духа. Хорошо себя зная и понимая, что своим ворчанием могу Тамаре на весь день настроение испортить, я предпочел подольше поваляться под одеялом, хотя обычно люблю вставать сразу, как только проснусь. Вообще-то я по природе своей конченый оптимист, но порой обстоятельства так придавливают, что даже сам себя переносу с трудом. Хочется в зеркало унитазом запустить. Хорошо, что у нас только раковина с водой в доме, а туалет во дворе. Да и тот унитаза не имеет, как и зеркала. А то, говорят, разбитое зеркало – к несчастью...

Но я в приметы стараюсь не верить. Тем не менее от зеркала обычно отхожу быстро, хотя за свое поведение обычно ответственность несусь и резких телодвижений себе не позволяю ни с зеркалом, ни с чем-то или кем-то другим. Только если вынуждают. Моя выдержка, согласно моей собственной достаточно объективной оценке, полностью соответствует поведению офицера спецназа.

Утро в этот день тянулось особенно нудно и долго. Оно не могло не тянуться, потому что состояние было тягостным. В военном варианте жизни все гораздо проще. Там есть враг, которого убиваешь без жалости и сожаления. А в жизни гражданской все иначе. Здесь, оказывается, почему-то нельзя убивать негодяев. У меня, говоря честно, совершенно не было сожаления о совершенном двойном убийстве. Более того, я бы точно так же без сожаления убил бы еще и тех ментов в райцентре соседней области, что дали наш с Тамарой адрес двум отморозкам на «Камаро» и самолично продиктовали текст заявления о нападении на этих двух негодяев на автозаправочной станции. Это было бы справедливым. Но пока ничего не известно о моем собственном настоящем положении, я не думал о том, чтобы наказать и ментов. И даже в уме не прикидывал схемы, как это сделать. Хотя без продумывания такой схемы меня приучили никогда не начинать действовать. Вот я пока и не действовал. Тех ментов было двое: капитан Гудилов – дежурный по отделу и старший лейтенант Звягин – дознаватель. Особенно мне не понравился именно дознаватель, парень с излишне интеллигентным лицом, холеными руками и холодными расчетливыми глазами. У него на лице было написано предупреждение, что от этого типа стоит ждать подлости. Капитан был попроще. Таких я обычно относил к элементарным малограмотным хамам. И вообще ментам я никогда не верил, особенно во времена своей службы, хотя встречаться доводилось с ними не часто, обычно в

командировках на Северный Кавказ, где менты, на мой вкус, мало отличаются от откровенных бандитов. И это даже включая чисто русские районы Северного Кавказа – Ставропольский и Краснодарский края и Ростовскую область. Там все менты, с которыми мне доводилось так или иначе встречаться, нацелены только на то, чтобы денег хапнуть побольше. И весьма беззастенчивы. У нас же в бригадном военном городке был только один участковый уполномоченный, которого постоянно побивали офицеры за манеру приставать к их женам. Он ни одну женщину не мог мимо себя пропустить, чтобы не попытаться пристать к ней. Потом, устав от постоянно битого, начальство этого участкового сменило его на какого-то старичка, которого было и не видно, и не слышно. Но всегда, где бы мы ни появлялись, менты вынуждены были считаться с бойцами спецназа военной разведки. Сейчас, когда я – человек гражданский, пенсионер, они могут вообще меня не замечать, поскольку я ничего не значу на социальной лестнице, как и другие пенсионеры страны. Да и вообще в срединной России, где мы поселились по выходу в отставку, менты не были приучены уважать армейский спецназ. Просто потому, похоже, что не знают, что это такое. Там, где знают, там даже с пенсионерами считаются. Но пока я не прорабатывал никаких действий против тех ментов, с которыми мне пришлось столкнуться. А как я мог их прорабатывать, если даже не знал, что мне грозит и какие против меня предпринимаются действия. Ведь противодействие всегда провоцируется именно действием. К тому же я не был уверен, что убитые парни из «Камаро» говорили правду о ментах, которых они якобы купили. Судя по разговору и по манере поведения парней, они оба, особенно водитель «Камаро», имели заметную склонность к хвастовству...

Тамару, как я заметил, тоже слегка придавливало состояние неизвестности. Это, кстати, бывает и в бою. Сидишь, случилось, в засаде на известной тропе где-то неподалеку от границы, ждешь, сам не зная толком, сколько человек попытается границу перейти и удалиться на зимние квартиры. В твоём распоряжении всего-то разведрот, то есть сто шестьдесят семь человек вместе с тобой. А бандитов может оказаться и тридцать стволов, и сто тридцать, и даже две тысячи триста. Но независимо от того, сколько их попытается прорваться, ты знаешь, что пропускать их никак нельзя, и ждешь в неизвестности момента, когда на тропе послышатся голоса или появятся походные бандитские колонны. И руки с силой, почти до посинения пальцев, сжимают автомат. Тогда тоже в голове сидит беспокойство, но ты твердо уверен, что готов принять бой, и принимаешь его, когда подходит момент. Потому что именно для этого ты сюда и поставлен, именно это ты умеешь и обязан сделать.

Тогда, когда сидишь в засаде и не знаешь, что тебя ждет, состояние бывает схожим. Я после происшествия на дороге тоже словно бы притаился в засаде. И ждал вместе с Тamarой. Во-первых, ждал, когда приедут вчерашние менты или хотя бы один из них, чтобы выяснить что-то относительно этого инцидента на дороге, в котором были убиты два человека на красивом и дорогом «Шевроле Камаро». Связать это убийство с ограблением никто не догадается. У парней в карманах наверняка было полно денег – это с точки зрения пенсионера полно, а с точки зрения тех же ментов может показаться, что «немного», если это «немного» не забрали себе другие менты, которых кто-то, обнаруживший тела убитых, вызвал. Это тоже обычное и почти привычное явление. Может бес попутать и того, кто обнаружил тела, – если это человек, которому хронически денег не хватает. А кому их в современном мире хватает? Не хватает обычно даже тем, кто на таких машинах, как «Камаро», ездит. Они всегда стремятся к тому, чтобы иметь больше...

Короче говоря, обрядившись в запасной, но уже поношенный костюм, я неторопливо занимался домашними делами. Насадил два черенка на лопаты взамен сломанных во время перекапывания грядок. За что был награжден одобрительным взглядом жены, которая уже несколько раз мне про эти лопаты напоминала. С новыми черенками было, наверное, приятно работать. И потому я без подсказки Тamarы перекопал полностью всю грядку, в которой с краю спрятал накануне кастет. Теперь вообще никто не подумает здесь искать. А поскольку кастет из металлических частей имеет только тоненькую полоску свинца в рукоятке, то искать даже с металлоискателем бесполезно. Для маскировки и войдя во вкус, я перекопал еще две соседние грядки. Осенний сезон – подготовка огорода к будущей весне – дело естественное. Потом, работая в наклон, выбирал из грядок остатки корней растений и травы. В результате грядки оказались, как мне показалось, на загляденье. Подошла Тамара, посмотрела на мою работу и похвалила. Она даже не знала, где я спрятал кастет, и спросила об этом. Я показал пальцем. Она удовлетворенно кивнула, одобряя мое старание.

После этого я снял аккумулятор со своей старенькой машины и поставил его на подзарядку в своей рабочей будке-сарайе. За неимением гаража и за неимением места, где его можно построить, да и денег на строительство не было, я из всякого подручного материала сколотил себе будку, где сумел поместить верстак и самостоятельно подвести туда электричество. Выставив силу зарядного тока на минимально допустимое значение, аккумулятор я оставил заряжаться до следующего утра. Теперь, если позвонят и предложат приехать в райотдел – а я оставил номер своей трубки у дежурного, – у меня есть честный

повод никуда не ехать, поскольку аккумулятор на машине стоит на зарядке. Да и бензина в машине маловато. Конечно, соседний райцентр находится не слишком и далеко, бензина мне хватило бы на две с половиной поездки туда и обратно. Но тратить бензин на такую ерунду я не намеревался. Он мне сгодится и для других нужд.

Зайдя в дом, я посмотрел на свою трубку. Монитор показал мне пропущенный вызов. Звонили мне, когда я только-только в огород вышел. Скорее всего, это и был звонок из райотдела полиции. Но звонить по номеру я не стал. У ментов денег больше, пусть они сами звонят, не из своего кармана эти звонки оплачивают. Однако при этом я подумал, что звонок хоть что-то прояснит и пресечет неприятное ожидание. Ясность всегда лучше незнания ситуации. И я, выходя из дома, положил трубку в карман.

Позвонили мне примерно через час, который я потратил на работу с триммером[11 - Триммер – переносная косилка для травы. Бывает бензиновым двухтактным и четырехтактным и электрическим. Бензиновые триммеры, особенно двухтактные, имеют при работе звук, как у мотоцикла, гонящего по стенкам колодца.]. Как раз бензин в бачке кончился, я пошел в свой сарай мешать бензин с маслом и услышал звонок в кармане. Может быть, звонили еще раньше, но я из-за работающего триммера звонок мог и не услышать. Номер на определителе высветился незнакомый.

- Кукушкин, - сказал я в трубку. - Слушаю вас...

- Добрый день, Виктор Вячеславович, капитан Родимцев из следственного отделения райотдела полиции беспокоит по поводу вашего вчерашнего инцидента. Едва-едва смог до вас дозвониться.

- Возможно. Я во дворе с триммером работаю. Траву выкашиваю. Из-за триммера звонок было не слышно... - спокойно объяснил я и сделал это вполне миролюбиво. Даже более миролюбиво, чем собирался раньше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Примечания

1

Прыжки «с принудительным раскрытием основного парашюта без использования вытяжного парашюта» – то есть прыжки с предельно малых высот без запасного парашюта с принудительным раскрытием основного с помощью вытяжного тросика, зацепленного за главный трос в самолете с помощью карабина. При таком прыжке очень важно в начальной фазе правильно управлять своим телом в воздухе и обязательно требуется избежать кувыркания, что свойственно начинающим парашютистам. (Здесь и далее прим. автора.)

2

«Щипач» – вор-карманник, считается элитой в уголовном мире, высшей воровской кастой.

3

ИИ-технологии – область науки, занимающаяся искусственным интеллектом.

4

Тейп – единица организации нахских народов (ингушей и чеченцев), определяющаяся общим происхождением входящих в нее людей.

5

Серрейторная заточка – заточка по волнистой линии, внешне напоминает пилу, хотя, если заточка произведена правильно, такой нож режет несравненно лучше любого другого ножа. По крайней мере, парашютную стропу этот нож перерезает одним движением. Акула, вопреки сложившемуся мнению, имеет весьма слабые челюсти. Но природная серрейторная заточка зубов делает акулу способной перекусывать самые твердые предметы, вплоть до металлических. Наиболее часто серрейторная заточка встречается в любом кухонном наборе поварских ножей.

6

Тестостерон – мужской половой гормон, отвечает не только за половые возможности мужчины, но и за агрессию, за рост и взрывную силу мышц.

7

Самый элементарный и распространенный прием в вольной борьбе. Основан на захвате обеих или одной ног противника с тем, чтобы уронить его.

8

Брегма – шов костей на черепе, место соединения теменной кости с лобовой. В этом месте, под черепом, находятся двигательные центры мозга человека.

9

Джеб – прямой удар передней рукой в боксе, кикбоксинге, муай-тай и в смешанных единоборствах.

10

Аффект (психологич.) – эмоциональный процесс взрывного характера, проявляемый с высокой интенсивностью и при этом достаточно кратковременный. В судебной практике обычно считается смягчающим вину обстоятельством.

11

Триммер – переносная косилка для травы. Бывает бензиновым двухтактным и четырехтактным и электрическим. Бензиновые триммеры, особенно двухтактные, имеют при работе звук, как у мотоцикла, гонящего по стенкам колодца.

Купить: https://tellnovel.com/samarov_serгей/tot-kto-mozhet-vse

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)